

Редакционная коллегия:

В.И. Майоров (гл. редактор), С.В. Тетюев, А.А. Терегулова,
О.Е. Печерина, А.А. Дмитриева (ответственная за выпуск)

Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Лившица Юрия Даниловича – 2–3 апреля 2009 г. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. – 485 с.

ISBN 978-5-696-03852-0

Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Лившица Юрия Даниловича – 2–3 апреля 2009 г., посвящен актуальным проблемам уголовного судопроизводства и криминалистики.

Издание предназначено для студентов, курсантов, аспирантов, соискателей, адъюнктов, преподавателей и практических работников, интересующихся вопросами расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Все материалы представлены в авторской редакции.

В результате потерпевшие не знают своих процессуальных прав, а если и имеют копию постановления о признании потерпевшим, то в большинстве случаев не понимают их сущности, что лишает их возможности быть активными участниками стороны обвинения.

Очевидно, что в любом случае, «обеспечить доступ потерпевшего к правосудию и защитить нарушенные преступлением его права и законные интересы можно только при условии, когда следователь, дознаватель осуществляя уголовное преследование, действуют активно, законно, обоснованно, профессионально грамотно».

Представляется, что именно своевременное введение лица в статус потерпевшего и своевременное разъяснение ему прав для защиты своих интересов предоставит ему возможность доступа к правосудию.

В связи с чем, представляется, предложение В.В. Сероштан о создании «Декларации прав потерпевших» своевременным¹. Полагаем, что это должна быть не просто памятка прав потерпевшего, а именно документ, разработанный с учетом требований уже имеющихся статей УПК РФ, где обязательно должен содержаться перечень прав потерпевшего, предусмотренных ст. 42 УПК РФ, а также других статей Уголовно-процессуального кодекса, Российской Федерации. Кроме того, необходимо включение прав и обязанностей потерпевшего, которые предусматриваются не только УПК РФ, но и иными нормативными актами.

Целесообразно после возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании лица потерпевшим, вручать ему «Декларация прав потерпевшего» следователем, дознавателем, о чем внести соответствующую запись в постановление о признании лица потерпевшим.

В соответствии с «Декларацией прав потерпевшего» потерпевший сможет реально уяснить свои права, понять механизмы их реализации, своевременно обжаловать действия дознавателя, следователя, прокурора, а также реализовать иные права, предоставленные ему законом и обеспечивающие доступ к правосудию.

Кроме того, необходимо считать, что неисполнение обязанности вручения «Декларации прав потерпевших» нарушением требований УПК РФ и рассматривать как нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию.

Таким образом, предлагается законодателю четко закрепить в норме данную обязанность и в ч. 1 ст. 42 УПК РФ внести изменения в следующей редакции: «Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда и сопровождается вручением «Декларации прав потерпевших», что удостоверяется его подписью.

Полагаем, что своевременное вручение «Декларации прав потерпевших», где содержатся его права в уголовном судопроизводстве, создаст возможность потерпевшему оказывать существенную помощь лицу, ведущему расследование, и быть активным участником в раскрытии и расследовании преступления.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

С.Б. Россинский

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина*

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в качестве одного из видов доказательств предусматривает «иные»² документы, которые согласно ст. 84 УПК РФ

¹ Сероштан В.В. Декларация прав участника уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2008. – № 1. – С. 46-49.

² Здесь и далее термин «иные» применительно к обозначению данного вида уголовно-процессуальных доказательств нами преднамеренно берется в кавычки. Таким образом, мы подчеркиваем, что он является именно названием вида доказательства, то есть обозначает конкретно определенную уголовно-процессуальную категорию, а не используется в значениях «другие», «остальные» и т.д.

допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Зачастую при производстве по уголовному делу именно с помощью «иных» документов органы дознания, предварительного следствия, прокурор и суд способны доказать такие обстоятельства и факты, которые не могут быть установлены посредством других процессуальных средств. Особое значение в современных условиях данный вид доказательств приобретает при расследовании и последующем судебном разбирательстве уголовных дел об экономических преступлениях, связанных с восстановлением картины финансово-хозяйственной деятельности предприятий и учреждений. Более того, «иные» документы играют очень важную роль при осуществлении своих процессуальных функций подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими заинтересованными участниками уголовного судопроизводства, поскольку собирание и представление таких документов – это одна из немногих правовых возможностей участия данных лиц в процессе доказывания.

В настоящее время исследователям, занимающимся изучением проблем уголовно-процессуального доказывания, весьма сложно определить, когда именно в мировой или отечественной юрисдикционной практике документы стали использоваться для установления истины по делу, когда они впервые были отнесены к доказательствам. Так, например, по дошедшим до наших дней сведениям, можно смело судить об использовании объектов документального характера в древнем обвинительном судопроизводстве. Не вызывает никаких сомнений, что очень серьезное значение подобные доказательства имели во время розыскного (инквизиционного) типа уголовного процесса. Данный вид судопроизводства вообще преимущественно носил письменный характер, и попавший в распоряжение органов уголовной юрисдикции документ (в том числе, и анонимный) зачастую мог предрешить исход всего дела. И, наконец, анализ специальной литературы и нормативно-правовых актов позволяет судить о большом значении «иных» документов на всем протяжении существования и развития современных типов уголовного судопроизводства, как состязательного, так и смешанного.

Вместе с тем, невзирая на столь существенное доказательственное значение документов для установления истины по делу, ученые-процессуалисты, на наш взгляд, уделяют данной проблематике явно недостаточно внимания. А это, в свою очередь, сказывается на не совсем четкой законодательной регламентации правоотношений, связанных с использованием документов в процессе доказывания.

Так до сих пор четко не определена сущность «иных» документов; не имеется достаточно четких законодательных критериев их отличия от вещественных доказательств, а также протоколов следственных действий и судебного заседания. Нет единой научной позиции относительно допустимых форм фиксации документальной информации. В частности, не разрешен вопрос об использовании в качестве документов фото-, видео- и аудио-объектов, а также электронных документов, представляющих собой современную форму значимой для дела информации. Остается актуальной и проблема соотношения «иных» документов с результатами оперативно-розыскной деятельности.

Помимо этого, вплоть до настоящего времени не выработаны единые процессуальные механизмы собирания и приобщения иных документов к материалам уголовного дела. При этом на наш взгляд, особенно остро эта проблема касается тех документов, которые не собираются посредством производства процессуальных действий, то есть в порядке ч. 1 ст. 86 УПК РФ, а попадают в уголовное дело каким-либо иным, четко не регламентированным законом способом.

Все указанные теоретические и законодательные пробелы неизбежно приводят с серьезным ошибкам и существенным затруднениям в повседневной практической деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры и суда. В частности, проведенное нами небольшое эмпирическое исследование показало, что в большинстве случаев практические работники не видят четких границ между «иными» документами, вещественными доказательствами документального характера и протоколами следственных действий и судебного заседания. Так, во многих случаях «иными» документами признаются документы с признаками

полной или частичной подделки (например, поддельные платежные поручения, материалы бухгалтерской отчетности и т.п.), то есть такие объекты, которые, на наш взгляд, несомненно, должны признаваться вещественными доказательствами. А вот кассеты с материалами видеонаблюдения, запечатлевшие значимые для дела обстоятельства и не вызывающие сомнения в своей подлинности, наоборот скорее являются видеодокументами, хотя на практике часто признаются вещественными доказательствами.

Кстати следует попутно заметить, подобные проблемы имеются не только в уголовном процессе, но также и в других формах современной юрисдикционной деятельности. Например, гражданское процессуальное законодательство расценивает в качестве документов только так называемые письменные доказательства (ст. 71 ГПК РФ) и аудио- и видеозаписи (ст. 77 ГПК РФ). Законодательно о производстве по делам об административных правонарушениях более рационально и современно разрешает эту проблему (ст. 26.7 КоАП РФ), однако содержит другую неясность, а именно четко не разграничивает документы с вещественными доказательствами и протоколом по делу об административном правонарушении.

В этой связи представляется целесообразным осуществление дальнейших научных исследований, направленных на изучение теоретических, нормативно-правовых и практических проблем использования «иных документов» в процессе доказывания по уголовному делу, и на выработку конкретных предложений и рекомендаций по их разрешению.

Но прежде следует обратиться к истории развития данной научной проблематики. Анализ специальной литературы показывает, что первые отечественные исследования, посвященные изучению документов как вида процессуальных доказательств, относятся ко второй половине XIX века, то есть к тому времени, когда в Российской Империи начало действовать буржуазное уголовно-процессуальное законодательство смешанного типа. Как отмечал М.М. Выдря в дореформенном (*то есть до 1864 г. – С.Р.*) процессе документам, хотя они и были отнесены к совершенным доказательствам, необходимого внимания уделено не было. и их юридическая природа в литературе не освещалась¹.

Однако в связи с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства Российской Империи возникла тенденция более глубокого изучения российскими правоведами проблем уголовно-процессуального доказывания, в частности изучения отдельных видов доказательств. При этом исследования, связанные с рассмотрением документов как самостоятельных средств доказывания, находились в зачаточном состоянии и не могли претендовать на индивидуальное научное направление. Более того, ведущие отечественные ученые дореволюционного периода не считали документы отдельной процессуальной категорией, а рассматривали их как специфический вид вещественных доказательств. Указанного мнения, например, придерживались И.Я. Фойницкий², В.К. Случевский³, А.А. Квачевский⁴, Д.Н. Тальберг⁵, С.Н. Розин⁶ и другие специалисты. Некоторые другие авторы, в частности С.М. Викторовский, считали, что вещественные доказательства и документы являются самостоятельными процессуальными видами, однако провести между ними определенную границу весьма сложно⁷. Очевидно, что приведенные выше позиции дореволюционных ученых были вполне закономерными, поскольку изначально основывались на положениях действовавшего тогда закона. Так, Устав уголовного судопроизводства выделял в качестве самостоятельного вида лишь вещественные доказательства (ст. 371), а о документах – там даже не упоминалось.

Тем не менее, в работах некоторых специалистов того времени уже просматривается определенная тенденция, направленная на дифференциацию вещественных доказательств и

¹ См.: Выдря М.М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1955. – С. 46.

² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1915. – Т. 2. – С. 304.

³ См.: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1910. – С. 411.

⁴ См.: Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании, предварительном расследовании преступлений. – СПб., 1869. – Т.3. – С. 505.

⁵ См.: Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. – СПб., 1891. – Т. 2. – С. 112.

⁶ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – СПб., 1914. – С. 201.

⁷ См.: Викторовский С.М. Русский уголовный процесс. – СПб., 1912. – С. 187.

«иных» документов. Например, Л.Е. Владимиров в своей книге «Учение об уголовных доказательствах» рассматривал вещественные доказательства и письменные документы отдельно, в разных главах (книгах), и тем самым представляет их как две самостоятельные процессуальные категории. По поводу письменных доказательств он отмечал, что таковыми следует признавать всякие предметы, на которых изложена человеческая мысль письменным или каким-нибудь иным видом условных знаков или символов¹. Однако при этом автор относил к письменным документам не только «иные» документы в современном понимании этого вида, но и письменные акты судебно-следственных органов, в том числе протоколы следственных действий и т.д.²

Принципиально по-новому данная процессуальная проблема была разрешена лишь в начале советского периода развития отечественной уголовно-процессуальной науки. Так ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. регламентировала, что доказательствами по уголовному делу помимо прочих являются и иные письменные документы. А в ст. 59 УПК РСФСР указывалось, что порядок их собирания и хранения определяется установленными тем же Кодексом правилами.

Подобная законодательная новация дала импульс развитию нового научного направления в области доказательственного права, поэтому к середине прошлого века в отечественной литературе стали предприниматься первые попытки исследования «иных документов» в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной категории. Так, в частности, еще П.И. Люблинский в 1924 году указал, что различие вещественных доказательств и документов покорится на методах их исследования. Документ, составляющий вещественное доказательство, исследуется методом умозаключения по цепи фактической причинности, как и прочие вещественные доказательства. А документ, составляющий письменное доказательство, подлежит исследованию с точки зрения достоверности содержащихся в нем фактических сообщений³.

Близкая позиция прослеживается и в работах В.Л. Громова, который в 1926 г., описывая правила производства следственных осмотров, в том числе особенности обнаружения и фиксации предметов и документов, отмечал следующее: «Вещественными доказательствами отдельные предметы, по их значению для дела, могут быть признаны, если они служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или были объектами преступных действий обвиняемого, или, наконец, вообще могут служить средствами к обнаружению преступления и открытия виновных (66 ст. УПК). А предметы, в частности, документы, которые не имеют значения вещественных доказательств, но могут быть подсобными средствами для более полного освещения личности обвиняемого, характера его связей, прежней его жизни, работы и т.п. могут быть приобщены к делу в качестве приложений (фотографические карточки, аттестации, удостоверения с мест службы и от учебных заведений, расчетные книжки, образцы работы, научные труды и проч.)»⁴.

О самостоятельном доказательственном значении письменных документов писал в тот период и М.С. Строгович. Он, в частности, отмечал, что если документ является лишь удостоверением того или иного факта, исходящим от какого-либо учреждения или лица (например, акт ревизии, заключительный баланс и т.д.), и поэтому может быть заменен другим аналогичным документом или его копией, то он рассматривается как самостоятельный вид доказательств и включается в материалы дела вместе с протоколами допросов и другими следственными актами⁵.

Однако данное научное направление развивалось достаточно медленно и вплоть до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих УПК союзных республик, в том числе УПК РСФСР 1960 г., позиции процессуалистов, рассматривающих «иные» документы, как специфический вид вещественных доказательств были еще достаточно сильны. Например, С.В. Познышев в 1929 г. указывал, что поня-

¹ См.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – СПб., 1910. – С. 353.

² См.: Там же. – С. 353–360.

³ См.: Люблинский П.И. О доказательствах в уголовном суде. – М., 1924. – С. 87.

⁴ См.: Громов В.Л. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. – М., 1926. – С. 146.

⁵ См.: Строгович М.С. Уголовный процесс. – М., 1940. – С. 149.

тие вещественных доказательств в широком смысле этого слова обнимает и письменные доказательства¹.

А.Я. Вышинский в своей книге «Теория судебных доказательств в советском праве» писал, что хотя УПК РСФСР и относит вещественные доказательства и письменные документы к отдельным видам доказательств, тем не менее, последние (письменные документы) все равно представляют собой вид вещественных доказательств и должны трактоваться как вещественные доказательства². Он также указывал, что различие письменных документов как вещественных доказательств и письменных документов в собственном смысле этого слова характерно для буржуазной теории. Там считается, что письменный документ, например, письмо, записка, книжка, паспорт, расчетная книжка, может играть роль вещественного доказательства, если он служит уликой, независимо от своего содержания. То есть письменный документ считают письменным доказательством, если он по своему содержанию устанавливает какой-либо факт, имеющий отношение к исследуемому судом событию. При этом А.Я. Вышинский отмечал, что спорить против различия этих видов доказательств действительно нет оснований. И тут же пояснял, что из данного различия, как из различия между методами исследования этих доказательств (*о чем писал П.И. Люблинский – С.Р.*), не следует делать вывод, что письменное доказательство не относится к категории вещественных³.

Очевидно, что указанные суждения ученых-процессуалистов во многом основывались на положениях ст. 66 УПК РСФСР, в которой говорилось, что вещественными доказательствами помимо прочих являются те предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных. Таким образом, сама формулировка закона, была не совсем однозначной и создавала условия для различных толкований. По данному поводу М.А. Чельцов писал: «Этот вид доказательств (*документы – С.Р.*) довольно неясно обрисован в законе. Статья 58 УПК указывает на «протоколы осмотров и иные письменные документы», выделяя их из вещественных доказательств. Но дальше в статьях о вещественных доказательствах не упоминается о документах, и, таким образом, остается неясным даже вопрос о порядке хранения документов. Лишь косвенные указания по этому вопросу имеются в ст.ст. 184 и 189 УПК»⁴.

И, тем не менее, несмотря на указанные законодательные пробелы и научные споры, идея о документах как о самостоятельном виде доказательств, подкрепленная материалами следственной и судебной практики, получала все больше и больше сторонников.

Так, в 1955 г. М.М. Выдря, критикуя вышеприведенные научные позиции А.Я. Вышинского и других, писал, что документы – вещественные доказательства и письменные доказательства имеют самостоятельное значение в советском уголовном процессе, и они прочно вошли судебно-следственную практику⁵. В свою очередь, М.С. Строгович в тот же период указывал, что следует различать письменные документы, являющиеся вещественными доказательствами и письменные документы, таковыми не являющиеся, а представляющие самостоятельный вид доказательства⁶.

Близкую точку зрения в 1959 г. выдвинула Л.Т. Ульянова, которая предприняла достаточно успешную попытку формулирования отличительных признаков разграничения вещественных доказательств и письменных документов. При этом она указала, что эти отличия определяют и специфику оценки последних⁷.

Однако рассмотренная выше научная дискуссия в целом потеряла свою актуальность в связи с реформой уголовно-процессуального законодательства конца 50-х – начала 60-х годов

¹ См.: Познышев С.В. Доказательства в уголовном процессе. – М.–Л., 1929. – С. 122.

² См.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М., 1950. – С. 278.

³ См.: Там же. – С. 284.

⁴ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – М., 1951. – С. 188.

⁵ См.: Выдря М.М. Указ. соч. – С. 56.

⁶ См.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1955. – С. 334.

⁷ См.: Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. – М., 1959. – С. 164.

прошлого века. Так ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства ССР и союзных республик и соответствующие положения республиканских УПК (в частности ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР) предусматривали «иные» документы в качестве самостоятельной процессуальной категории. Данная процессуальная концепция впоследствии была воспринята и действующим законодательством Российской Федерации. Поэтому в настоящее время, как уже отмечалось выше, в соответствии с ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ в качестве самостоятельного вида уголовно-процессуальных доказательств допускаются «иные» документы.

В этой связи, сразу бы хотелось обратить внимание на различные наименования рассматриваемого вида доказательств в разные периоды времени и у разных авторов. Так в дореволюционный период развития отечественного уголовного судопроизводства подобные доказательства именовались либо просто документами, либо письменными доказательствами. УПК РСФСР 1923 г. уже на законодательном уровне закрепил название «письменные документы», поэтому большинство ученых-процессуалистов, осуществляющих научные исследования в тот период времени придерживались именно такой терминологии. Хотя все же некоторые специалисты (например, С.В. Познышев, М.М. Выдря и т.д.) периодически использовали и другой, и, как представляется, уже несколько устаревший термин – «письменные доказательства».

Из вышеизложенного следует, что теория уголовного процесса, и основанное на ней законодательство, и правоприменительная практика признавали в качестве документов только письменные объекты, то есть те в которых основная информация мысль была зафиксирована с помощью письменной речи (рукописным способом или посредством знакопечатающих устройств). На наш взгляд в этом нет ничего удивительного, поскольку в описываемый период другие способы документирования значимой для дела информации (например, аудиозапись или фотосъемка) были еще слабо развиты и в повседневной жизни практически не использовались. И, тем не менее, в работах некоторых авторов все же имеются намеки на возможность признания в качестве документов не только письменных, но и иных объектов. Так, например, В.Л. Громов среди прочих объектов, относимых к документам и не имеющих значения вещественных доказательств, указывал фотографические карточки¹.

Дальнейшее развитие научно-технического прогресса, появление новых способов фиксации информации обусловили необходимость расширения круга документальных доказательств. Например, В.Д. Арсеньев, указывал, что по способу фиксации документы могут быть письменные, графические, фотографические, кинематографические и иные². В.М. Галкин в свою очередь указывал, что существует значительная группа документов, в которых процесс запечатления информации осуществляется механически, где «автор» фигурирует преимущественно как организатор, руководитель, «диспетчер» этого процесса (фотографирование, киносъемка, звукозапись, функционирование автоматических регистрирующих устройств и т.п.)³.

Такой же позиции придерживались и авторы коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Они отмечали, что письменные документы являются основной формой допускаемых при доказывании в уголовном процессе иных документов. Однако в ряде случаев уголовный процесс сталкивается с иными способами запечатления человеческой мысли, которые все больше проникают в сферу производства, управления, быта, и, следовательно, все чаще могут быть использованы при доказывании. Так, по делам об авариях на воздушном транспорте важное значение имеет звукозапись переговоров экипажа самолета с землей. Наряду со звукодокументами, все шире применяются и такие документы, как схемы, чертежи, графики, таблицы, фиксирующие условными знаками программу и результаты работы приборов, и т.д.⁴

¹ См.: Громов В.Л. Указ. соч. – С. 146.

² См.: Арсеньев В.Д. Понятие документов и значение их как доказательств в советском уголовном процессе // Труды Иркутского госуниверситета им. А.А. Жданова. – Иркутск, 1955. – Т. XIII. – С. 140–150.

³ См.: Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе / под ред. Н.С. Полевого. – М., 1967. – Ч. 1. – С. 39.

⁴ См. Белкин Р.С., Винберг А.И., Дорохов В.Я. и др. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1973. – С. 682.

Поэтому уже в Основах уголовного судопроизводства ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих республиканских УПК (в частности в ст. 88 УПК РСФСР 1960 г.) данный вид доказательств именовался «иными» документами или просто документами. К ним помимо письменных могли относиться и прочие формы фиксации значимой для уголовного дела информации¹. Этой же терминологии законодатель придерживается и в ныне действующем УПК РФ.

Таким образом, во второй половине прошлого века в отечественной уголовно-процессуальной науке возникло и получило развитие новое направление, связанное с исследованием нормативно-правовых и практических проблем использования «иных» документов как доказательств по уголовному делу. Дальнейшие научные изыскания по этому поводу уже основывались на признании «иных» документов самостоятельным видом доказательств.

Это подтверждает и анализ последних научных работ, посвященных данной проблематике².

Вместе с тем возникновение данного направления явилось только первым шагом на пути к формированию комплекса научных положений и основанных на них законодательных и практических рекомендаций по использованию «иных» документов в процессе доказывания. Имевшее место признание «иных» документов в качестве самостоятельного вида доказательств по уголовному делу послужило импульсом для последующих научных исследований относительно их сущности и места в системе других средств процессуального познания.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В.А. Семенцов

*Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета*

При обращении к научному наследию известного ученого профессора Ю.Д. Лившица, много сделавшего для развития российской теории уголовного процесса, поражает широта исследований им различных проблем. Так, в числе его работ есть и такие, где ученый в соавторстве со своими учениками рассматривает значение института гражданского иска в уголовном судопроизводстве, обосновывает необходимость совершенствования методики возмещения вреда, причиненного преступлением³.

Вопросы гражданского иска в уголовном судопроизводстве как правового способа охраны имущественных интересов личности, общества и государства не утратили своей актуальности до настоящего времени. Допущение гражданского иска в уголовном процессе России не только обусловлено историческим опытом законодателя, уже давно оценившего несомненные преимущества соединенного процесса, но и вполне соответствует зарубежным тенденциям в области развития этого института, направленного на обеспечение реализации международных стандартов в области укрепления и защиты прав человека и гражданина.

С принятием УПК РФ институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве претерпел ряд изменений и уточнений, обусловленных, как представляется, стремлением законодателя обеспечить защиту интересов гражданского истца, расширить процессуальные права этого участника уголовного судопроизводства. Вместе с тем нормы указанного института по-прежнему неэффективны, хотя недооценка вопросов возмещения ущерба, причиненного преступным посягательством, ведет к ущемлению прав граждан.

¹ См., напр.: Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. Л.Н. Смирнова. – М., 1970. – С. 134; Советский уголовный процесс: учебник / отв. ред. Д.С. Карев. – М., 1975. – С. 166 и т.д.

² См., напр.: Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. – М., 2009. – С. 333–339; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М., 2009. – С. 162–165 и т.д.

³ См., напр.: Лившиц Ю.Д., Тимошенко А.В. Еще раз к вопросу о значении института гражданского иска в уголовном процессе // Лившиц Юрий Данилович: сб. науч. тр. – Челябинск, 2004. – С. 99–106.